

«Растапливать мерзлоту»

Михаил Вяткин,
Владимир Касютин

Фото Анвара Галеева

Наш гость — Сергей Серов, заведующий кафедрой дизайна Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

п у б л и к у е т с я в с о к р а щ е н и и

КАСЮТИН У нас в стране какое-то невероятное число плохо свёрстанных газет, возможно, это объясняется не только тем, что людям не хватает знания, есть более глубокие причины?

Наверное, вы правы, есть более глубокие причины, которые коренятся в нашей культуре, в истории с географией. Начиная с территории, в целом не очень-то приспособленной к жизни. Наша география начинается в южных степях, а кончается... в космосе. Эта огромность, безграничность пространства, как уже давно заметили философы, — тяжёлое бремя для русской души.

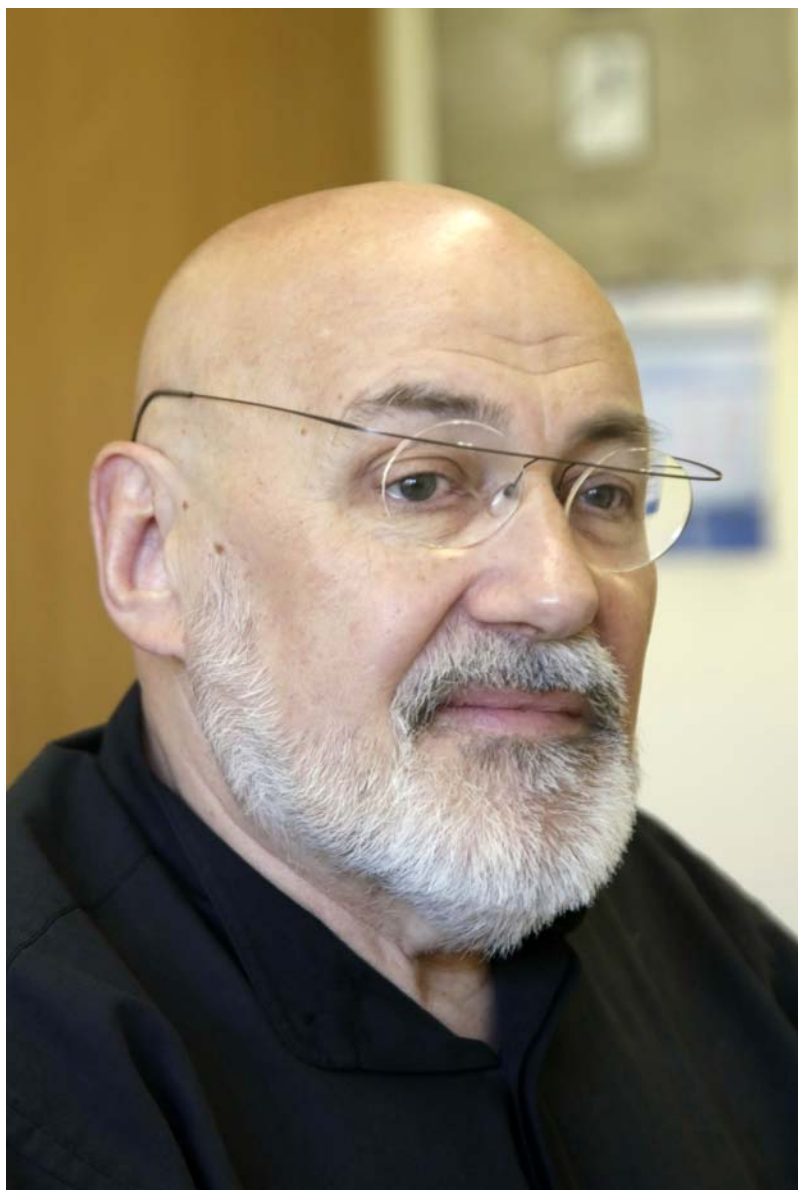
Вообще-то говоря, культура растёт на границах. Но и для дизайнера это тоже важно. Графический дизайн — в русском языке это особенно отчетливо звучит — это графика, грани, границы, геометрия. А Россия — не Америка, разлинованная границами штатов, расчерченная ровными дорогами. И не Европа с ее аккуратными национальными квартирками. Которые, как ни упраздний государственные границы, все равно они остаются — внутренними рамками, охраняющими права личного пространства, национального, культурного, языкового уюта.

В России ничего этого нет. Ни уюта, ни геометрии. Поэтому любой мало-мальски аккуратный интерьерный дизайн зовется у нас «евроремонт». Нет четких линий. Нет дорог. Нет прав личности. Нет границ. Есть Пространство. Безграничное, бесформенное, сплошное, всеохватное пространство русского космоса, которое противится дизайну, упрямо упирается всей своей многовековой историей и невероятной географией.

А климат! По объективным данным *нам только для выживания нужно в три раза больше энергии по сравнению даже с северными соседями*. Мы — самая холодная страна в мире.

Климат — это, всё-таки, очень долгоиграющий фактор. Я дважды побывал в Норильске, за полярным кругом. Ужаснулся какому-то совершенно запретному экстриму — географическому, климатическому, экологическому. А люди, которые должны там проявлять ежедневный героизм, делают вид, что это — нормальная жизнь.

Вернувшись, смотрю на сугробы в Москве или сосули в Питере, и понимаю, что это, в принципе, тот же Норильск, только разбавленный в той или иной

Серов Сергей Иванович — искусствовед, дизайнер-график. Профессор, заведующий кафедрой дизайна в Школе дизайна РАНХиГС.

Вице-президент Академии графического дизайна. Президент Московской международной биеннале графического дизайна «Золотая пчела».

Организатор и куратор более 500 выставок в стране и за рубежом, автор 14 монографий и более 500 статей в области графического дизайна.

Кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание», лауреат Премии Родченко

степени. Нам повсюду надо подвиги совершать, и мы любим эти экстремальные движения души. Мы и в православии стремимся улететь в космос, в Царство Небесное, быть не от мира сего и только. Выбирая одну, первую заповедь Христову — о любви к Богу. Но от нее неотделима вторая — о любви к человеку. Раздельно существовать они не могут. А у нас — могут.

Мы умудряемся считать себя Святой Русью и при этом ненавидеть ближнего. Как так? У нас страна парадоксов.

И ещё при этом не хочет жить хорошо, а хочет жить плохо. Дизайн же занимается тем, чтобы людям жилось хорошо. Любовь к крайностям и невнимание к быту, пренебрежение человеком и красотой повседневности — всё это глубоко укоренено в культурной традиции. Ложной традиции. И это мешает дизайну, мешает профессии.

И вот эта недизайнерская традиция — да, в конце концов, возможно, сказывается и на верстке региональных газет.

КАСЮТИН Но ведь у нас появляются талантливые люди, в том числе и дизайнеры.

Таланты появляются, скорее, не благодаря, а вопреки. Дизайна по-настоящему у нас нет, а настоящие дизайнеры есть. Дизайнер в России больше, чем дизайнер. Он вынужден быть культурным героем, деятелем культуры. Он должен не только решать функциональную задачу, но и растапливать одновременно вокруг каждого проекта эту вот вечную мерзлоту. Не в географическом, а в культурном, цивилизационном смысле.

Каждый раз эстетически образовывать заказчика, поднимать культурный уровень пользователей. Наш дизайн находится в совершенно другой ситуации, чем на Западе. Требуется других человеческих и профессиональных усилий.

Изменяется ли ситуация? Да, изменяется. К лучшему? Да, к лучшему. Общий уровень визуальной культуры потихоньку растёт. И средний профессиональный уровень, которого раньше вообще не было, он сейчас появляется.

КАСЮТИН Почему это происходит?

Прежде всего, потому что мир для нас открылся. Сначала произошло крушение железного занавеса. Потом появился Интернет, не менее грандиозное событие для всей нашей жизни и для дизайна, в частности. Да, у всего есть свои издержки, теневая сторона. Когда пал железный занавес, к нам тоже хлынула всякая дрянь. Но благоприобретенная свобода была важнее.

Так и с Интернетом. Поток любительских фото, глянец, безвкусица, глупость человеческая — всего этого полно. Но открытие мира, ставшего прозрачным, доступным из любого региона, из любой его точки — несравненно важнее. Интернет — это величайший скачок в эволюционном развитии. И на региональную прессу, и на развитие дизайна это очень сильно влияет.

Далее, реклама, которую все ругают. Кроме того, что она компостирует нам мозги, она ещё прививает нам элементарный вкус к жизни. К пристальному рассмотрению предметов и явлений, к наслаждению повседневностью. Мы начинаем быть более внимательными к вещам, ценить их, замечать, что у них есть фактура, цвета, блики, а там и культурные смыслы. Раньше мы к этому были совершенно не расположены.

ВЯТКИН В середине XIX века собиратель и исследователь фольклора Александр Афанасьев написал интересный труд «Поэтические воззрения славян на природу» — это три увесистых тома (во время перестройки они были у нас переизданы, уже без ятей). Я однажды потратил весь свой отпуск, чтобы их прочитать. И вот, что мне открылось. Поэтическая образность у людей, населявших нашу страну, в прежние времена была необыкновенно развита, даже в дохристианские времена. И вот эта образность у наших людей, из-за довольно-таки жёсткой религиозной политики, а потом и советской политики, оказалась во многом подавленной.

Поэтому, мне кажется, что во время перестройки мы не только открыли для себя спрятанное в закрытых архивах или пришедшее к нам из-за рубежа, но и смогли в каком-то приближении восстановить то, что хранилось на подсознательном или даже генети-

ческом уровне. Заново обрести это в активном сознании.

Моё мнение, когда мы пытаемся осмыслить нашу историю, то явно недооцениваем потенциал, который спрятан внутри народа.

Я абсолютно с вами согласен. И в области визуальной культуры у нас найдутся уникальные примеры. Древнерусская иконопись — величайший вклад России в мировую визуальную культуру. У нас два зачётных в этом отношении момента в истории — русский авангард 20-х годов XX века и икона. Это во всём мире признаётся как аксиома.

Когда в начале двадцатого века у нас была заново открыта древнерусская иконопись, то про нее было сказано, что это и есть наша философия, «богословие

в красках». Это — визуальное мышление. У отца Павла Флоренского в работе «Иконостас» говорится, что, если есть «Троица» Рублёва — значит, есть Бог. То есть образ — убедительное свидетельство и прямое доказательство бытия Божия. «Картинка» для очей придает истине очевидность, обладает этой видимой властью, которая сильнее всяких слов. И это не могло не запечатлеться в таинственной глубине нашего генотипа.

Потом оно куда-то ушло, и в XIX веке все уже говорили, что Россия — литературоцентричная страна. А в советское время визуальное образное мышление и вовсе было сплющено до мертвящей наглядной агитации и пропаганды.

Но Ваша мысль о том, что ресурс, образного мышления, хранящийся в нашем историческом подсознании, именно сейчас, в атмосфере свободы, может сыграть важную роль в развитии культуры, находит поддержку и в визуальной части. Потому что постиндустриальная, цифровая, креативная эпоха, она как раз культивирует «картиночное», виртуально-визуальное мышление.

Картинка, например, Ельцин на танке, говорит больше, чем все статьи, вокруг нее напечатанные. То есть картинка обладает доказательной мощностью, и словам трудно с этим соперничать. И что примечательно, развитие образного мышления даст, на мой взгляд, преференцию именно русской культуре. Потому что, например, кириллица, которой мы пишем, гораздо более «картиночна», чем латиница, которая веками оттачивалась, превращаясь в идеальное линейное письмо для линейной передачи информации.

Наступающая же эпоха, в принципе, нелинейна. Вместо текста — гипертекст. И можно свободно с этим обращаться. По отношению к тексту вспышки образов важнее, чем линейное следование. Экранная культура даёт возможность создавать многослойный, живой, меняющийся контент. Правда кириллица, кажется, не знает пока об этом своём преимуществе, о том, что цифровое пространство — это крайне благоприятная среда для её развития. Дизайнеры пока используют компьютеры лишь как более совершенный инструмент. Но компьютер — не только инструмент, но и окно, портал в новый

мир. Цифровую эпоху называют ещё и креативной. Говорят, про креативную экономику, креативный класс. И это так. Объективная историческая необходимость в том, чтобы жизнь становилась творчеством. Не линейной, не рутинной, не сводилась лишь к выживанию, к одному лишь зарабатыванию денег

КАСЮТИН Все ли смогут?

В начале гутенберговской эпохи, тоже думали, что не все смогут буквы друг с другом складывать. Прошло время, и наступила всеобщая грамотность. А сейчас уже письменная культура уверена, что она никуда не уйдет. Да, она никуда не уйдёт, но приоритеты сменятся. И книжная культура займёт своё определенное историей место.

Никуда же не делась каллиграфия, например. Она существует, даже весьма ценится, мастерство каллиграфии высоко оплачивается. Так и мастерство тех, кто виртуозно владеет словом, будет цениться. Но — на своем месте.

КАСЮТИН То есть эпоха картинок ещё впереди?

Конечно, она только-только начинается. Как и эпоха компьютеров. А мы к этому пока совершенно не приспособились.

КАСЮТИН Все эти неприятные явления — ухудшение памяти, агрессия — это некие издержки переходного периода?

У всего есть обратная, теневая сторона. Возьмите хоть классическое искусство, которое возвышает душу. Но одновременно с ним — рабование. А в XIX веке классика становится мёртвым формотворчеством, академизмом, объектом жесточайшей, справедливой критики как со стороны романтиков, так и реалистов, с другой стороны. Отец Павел Флоренский считал, всякая техника является «органопроекцией»: лопата удлиняет руку. И мы свои физические возможности с помощью техники многократно увеличили. А потом дело дошло до вычислительной техники, где внутри вроде бы та же самая техника, физика, математика. И пока вычислительная техника занимала два этажа, никто ещё не понимал, что происходит. А потом вдруг — раз, и компьютер стал

персональным. Компьютер — это тоже «органопроекция» — проекция интеллекта и души, персонального внутреннего мира человека. И одновременно — выход во внешний мир, портал связи с ним. Внешнее связывается с внутренним, как в ленте Мебиуса.

Можно сказать, что техника в этот момент стала гуманитарной. Помните, в наше время спорили про физиков и лириков? Так вот можно сказать, что сейчас наступает эпоха лириков. Можно, конечно, с этим спорить. Но для меня ясно, как божий день: *наступает эпоха метафизики*, а не физики, другими словами, креативная эпоха. И то, чем мы конкретно стремимся заниматься в Школе дизайна РАНХиГС и в рамках других образовательных проектов, называется креативная педагогика. Так что я с оптимизмом смотрю на исторический процесс.

ВЯТКИН В нашем журнале мы стараемся давать опыт с мест, в том числе и материалы о дизайне. По мере сил собираем авторов в активное профессиональное сообщество. Среди них, безусловно, и те, кто занимается вёрсткой. Но верстальщикам хотелось бы иметь выход ещё и на дизайнерские объединения и площадки.

С одной стороны, Интернет приходит на помощь провинции. Он вообще стирает всякое представление о провинциальности, давая доступ к любым мировым ресурсам, возможность увидеть онлайн всё, что сейчас происходит в любом месте: в Москве, в Америке, в Австралии.

С другой стороны, опять же, всё держится на героях, которые создают в своих регионах собственные объединения и площадки, созидают вокруг себя культурную среду. Вот Архангельск, я был там совсем недавно. Там дизайнер Виктор Тяпков превратил местную библиотеку имени Н.А. Добролюбова в настоящий дизайн-центр.

Одно из самых живых дизайнерских мероприятий в России — фестиваль «Типомания», который недавно прошел в Музее Москвы. На него приезжал один из патриархов мирового графического дизайна швейцарец Никлаус Трокслер. Перед тем как отправиться на «Типоманию», он заехал сначала в Архангельск с персональной выставкой и мастер-классом,

его туда пригласили. А перед этим в архангельской библиотеке перебивало с выступлениями и выставками ещё масса знатных дизайнеров.

Другой дизайнер, Павел Пискалов, в Челябинске проводит фестиваль, организует международные дизайнерские события и приглашает напрямую ведущих дизайнеров из разных стран.

В Нижнем Новгороде дизайнер Дмитрий Рекин много лет проводит международный дизайнерский фестиваль — «Стрелка».

Даже за полярным кругом, в Норильске, после наших визитов возник «АНОД» — Ассоциация норильских дизайнеров. Это небольшая группа 3–4 энтузиаста, но они там постоянно устраивают городские акции и выставки.

В Улан-Удэ — Дима Галсан и так далее. По всей стране есть такие точки, где люди сами для себя устраивают события, создают площадки. А Интернет — удобный инструмент, который помогает всегда быть в курсе и поддерживать коммуникации с ведущими дизайнерами всего мира. Находится всего-навсего один человек, и вспыхивает творческая жизнь, вокруг него другие люди загораются.

Ведь в этом деле главное — зажечь сердца. Как и в любом образовании. Про дизайнерское образование говорят — *творчеству научить нельзя, а научиться можно*. Важно зажечь человека, а дальше уже он сам пойдёт. Нужно только, чтобы был выбран правильный вектор и ценности. Да, именно зажечь его дух, чтобы потом не сползать вниз, а двигаться всё выше и выше.

С конца 1990-х годов на протяжении 17 лет у нас была маленькая Высшая академическая школа графического дизайна. Это там начиналась креативная педагогика, там сложились принципы авторского преподавания, которые мы сейчас развиваем дальше. В ВАШГД в качестве преподавателей попробовали свои силы абсолютно все ведущие московские дизайнеры. Ещё в ВАШГД проводились летние и зимние школы. На них приезжали учиться люди со всей страны.

Сейчас подобные школы продолжают в рамках образовательного проекта Московской международной биеннале графического дизайна «Золотая пчела», который называется «Golden Bee Academy».

Мы проводим сезонные учёбы в Черногории, Франции, Германии. Очередная летняя школа будет в августе, в Черногории, присоединяйтесь. К нам приезжают уже не только из России, но и со всей Европы. Опыт ВАШГД мы пытаемся сохранять и развивать и в Школе дизайна РАНХиГС.

ВЯТКИН Наша культура базируется на письменном языке. Письменный язык самый изученный, имеет массу правил и разграничений. Но это — линейный язык. Ораторы и докладчики, как правило, стремятся построить своё выступление близко, именно, к письменному языку.

Изучение того, как мы говорим, как строим быденную речь и диалоги — началось сравнительно недавно. Такое исследовательское направление есть, например, в Высшей школе экономики. А ведь разговорное общение это уже не совсем линейный язык. Но самое интересный — это язык, на котором мы думаем. Когда, по-настоящему, начнём его изучать, предполагаю, нас ждут очень интересные открытия.

В современной журналистике есть попытки подойти к этим нашим возможностям. Например, на некоторых сайтах активно используется такая форма журналистских материалов, как лонгрид — сочетание текста с картинками и с видео.

А что у дизайнеров — есть попытки играть с подобными подходами? Я, например, в Интернете видел сайт «Заязык», а у Андрея Логвина проект «Я бы обнял тебя, но я — только текст».

На недавней Зимней школе в Черногории, мы пробовали моделировать процесс внутренней речи, когда дизайнер следит за тем, как он разговаривает сам с собой. Ведь при этом он пользуется каким-то языком, в нём есть какие-то слова, своя грамматика, значит должен быть способ их фиксации и визуализации. И мы пытались достать это изнутри и разработать шрифт своей внутренней речи.

А на Майской школе проводили такое занятие. Брали любые предметы, с их помощью создавали

самые разные звуки, а остальные должны были графически зафиксировать свои ассоциации. В результате получилась огромная графическая фонотека звуков, которую каждый потом систематизировал: вот здесь, например, у меня знаки шёпота, а здесь — томления души. И создавал свою систему кодирования звуков, как бы собственную нотную грамоту. А потом любимую песню записывал с помощью разработанной системы.

Эти выездные эксперименты используются потом в учебном процессе в Школе дизайна РАХиГС, педагогику которой мы называем креативной. Вот сейчас открывается наша выставка на Винзаводе, которая будет работать до конца июля, она как раз об этом, называется «(Не)реально». Про границу между внешним и внутренним, между реальным и виртуальным пространством цифровой эпохи. Про (не)реальный дизайн, то есть дизайн как искусство, и креативную педагогику, обращенную к внутреннему миру автора.

Мы учим студентов пропускать каждый проект не только через голову, но и через сердце. *Если раньше культивировалось «дизайн-мышление», то сейчас важно «дизайн-чувствование».*

Весь XX век в дизайне, в архитектуре аксиомой было: «форма следует функции». Вот посмотрите, у вас наверху — лампа дневного света. Но это же не лампа, не светильник, а голая функция! И мы любовались функцией, конструкцией, материалами, технологией. Это называлось технической эстетикой.

XX век — венец индустриальной эпохи. Техника рулила, встала на пьедестал: «Дом — машина для жилья». В индустриальную эпоху все воспринималось сквозь призму функционализма, прагматизма, технической целесообразности.

Мы начинаем понимать, что образование более высокого уровня это — образование художественное. Которое идёт через душу. И против главной формулы XX века «форма следует функции» я, в экстремальном заострении, пропагандирую: *«форма следует любви».*

Вот сейчас на Тайване будет очередной Всемирный студенческий дизайнерский конкурс. У них

каждый год своя основная тема. Тема этого года — Empathy. Представляете! Эмпатия, сопереживание, сочувствие человеку. Дизайнерская тема. Она актуальна, конечно, для любой страны, но, особенно, — для России.

Недавно в Фейсбуке я видел дискуссию — какое понятие может объединить консерваторов и либералов. Предлагалось — «достоинство». А мне кажется, что как раз *эмпатия, сочувствие, милосердие* — более подходящие сейчас понятия. Нам этого не хватает. Мы же почти ничего из этого не умеем делать. Даже общаться по-человечески толком не умеем. Советский и постсоветский человек — это культурная катастрофа.

Сейчас стало понятно, что нельзя изменить мир, не меняясь самому внутри. Поэтому мы стремимся одновременно с развитием профессиональных навыков развивать и самого человека. Все ремесленные, универсальные дизайнерские дела уже завтра будут выполнять роботы. И уже многое делают. А более востребованным в постиндустриальную эпоху будет становиться всё уникальное и креативное.

КАСЮТИН То есть повышать и развивать свою внутреннюю культуру важнее и результативнее, нежели механически учиться ремесленным навыкам? Это интересный ответ на вопрос, почему у нас много скучных текстов и невыразительных иллюстраций.

Культурное развитие — это самое главное. Для этого необходима внутренняя свобода. А для внутренней свободы в душе у каждого есть самый важнейший индикатор — совесть. Перед нашей встречей вы ещё спрашивали, какой совет я могу дать журналистам. И хотя это уже много раз было говорено, мой совет — стремиться к внутренней свободе, внимательно слушать голос своей совести и жить не по лжи. Это относится и к профессиональной совести.

КАСЮТИН Получается, что самая плохая газета у того, у кого совсем нет совести. Очень интересная формула. И наоборот — тоже справедливо. Большое спасибо за беседу!

&